

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №1, Том 10 / 2019, No 1, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK119.pdf>

Статья опубликована 20.03.2019

Ссылка для цитирования этой статьи:

Руденкин Д.В. Фактор ценностей в развитии протестных настроений молодежи: итоги пилотажного исследования // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK119.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Rudinkin D.V. (2019). Factor of values in the formation of protest moods of young people: the results of a pilot survey. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 1(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK119.pdf> (in Russian)

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-311-00226)

УДК 316.752

ГРНТИ 04.51.43

Руденкин Дмитрий Васильевич

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет», Екатеринбург, Россия
Доцент кафедры «Интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга»

Кандидат социологических наук

E-mail: d.v.rudinkin@urfu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8860-165X>

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=658124

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-4717-2018>

SCOPUS: <http://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57204317745>

Фактор ценностей в развитии протестных настроений молодежи: итоги пилотажного исследования

Аннотация. Статья посвящена обоснованию и первичной эмпирической проверке гипотезы о значимой роли ценностей в формировании протестных настроений молодежи. Интерес к динамике таких настроений молодежи в России наметился после серии резонансных протестных акций, которые прошли в 2017-м г., и на данный момент продолжает оставаться высоким. Однако устоявшаяся практика исследований зачастую тяготеет лишь к анализу зависимости протестных настроений молодежи от внешних факторов: колебаний социально-экономического развития и политического контекста. Опираясь на опыт предшествующих исследований, автор предполагает, что протестные настроения молодежи могут зависеть не только от таких внешних факторов, но и от тех убеждений и установок, которые характерны самим молодым людям. Ключевой идеей статьи становится тезис о зависимости протестных настроений молодежи от ценностей, которые ей характерны. Автор подвергает эту гипотезу первичной проверке на данных собственного пилотажного опроса, проведенного среди молодежи Екатеринбурга зимой 2018–2019 гг. Первичные выводы, которые позволил сделать опрос, показали, что само по себе влияние ценностей на протестные настроения молодежи, может существовать, но его роль в динамике таких настроений специфична. Ценности играют важную роль в появлении у молодежи базового недовольства тем, как идут дела в обществе. Анализ показал, что ощущение ценностного несовершенства, «неправильности» окружающего общества характерно многим молодым людям. Но возникающее на этой почве недовольство молодых людей совсем не обязательно конвертируется в реальный рост их протестных

настроений. Наиболее вероятно, что фактор ценностей молодежи оказывает большое влияние на формирование общего недовольства молодых людей ситуацией в обществе, но конвертация этого недовольства в протестные настроения происходит под влиянием более сложной системы факторов. В итоге проведенные исследовательские работы позволили автору уточнить и конкретизировать исходную гипотезу о роли ценностей в динамике протестных настроений молодежи.

Ключевые слова: молодежь; ценности; ценностный запрос; ценностное несовершенство; протест; политический протест; социологический опрос

Введение

Интенсивное вовлечение молодежи в многочисленные протестные акции, случившееся в 2017-м г., стало для российского общества неожиданным социальным трендом и стимулировало пересмотр отношения к молодежным настроениям и поведенческим склонностям. За год в стране состоялось как минимум три протестных акции, к которым активно подключились представители российской городской молодежи: эти акции прошли 26 марта, 12 июня и 7 октября 2017 г. Эксперты расходились в оценке доли молодых людей, принявших участие в этих протестных акциях, но само присутствие молодежи на этих митингах оценивалось как примечательный и неожиданный факт. Резонанс вокруг этого явления возникал, вероятнее всего, из-за непривычности самой ситуации участия молодых людей в протестных акциях. Длительный период отсутствия в стране масштабных акций протеста и аполитичность молодых людей, которая фиксировалась данными многочисленных социологических исследований, привели к тому, что молодежь в России привыкли рассматривать как относительно равнодушную к политике социальную группу, мало склонную к акцентированному бунтарскому поведению. Тезис об устойчивой социальной пассивности молодежи и ее равнодушии к участию в протестных акциях упоминался исследователями на протяжении многих лет [1; 2; 3], и, надо признать, он действительно возникал отнюдь не беспричинно. Поэтому тот всплеск уличной протестной активности молодых россиян, который случился в 2017-м г., показал российскую молодежь с неожиданной стороны. Сам факт этих событий заставляет пересмотреть отношение к российской молодежи и мешать смотреть на нее как на заведомо аполитичную социальную группу: выяснилось, что многие из молодых россиян не только неравнодушны к существующим в обществе проблемам, но и способны конвертировать свое беспокойство из-за этих проблем в реальные действия.

Несмотря на относительную неожиданность этого тренда, российской социально-гуманитарной наукой уже проведены довольно многочисленные исследования, результаты которых помогают раскрыть и сам процесс протестной мобилизации молодых людей, и перечень факторов, которые могли оказать на него прямое или косвенное влияние. Работы таких авторов, как А.И. Андреев [4], Д.А. Цюник [5], Н.А. Пономарев, С.И. Белов и А.А. Майлис [6] и др. показывают, что отечественные ученые не только проявили отчетливый интерес к произошедшему всплеску протестной активности молодежи, но и разработали различные объяснительные модели, помогающие интерпретировать подоплеку случившихся событий. Тем не менее, несмотря на то что вопрос о подоплеке протестных настроений молодежи подвергся в отечественной социально-гуманитарной науке довольно пристальному изучению, как минимум один из аналитических ракурсов, на наш взгляд, пока остался неоправданно обделен вниманием. Дело в том, что многие исследования в этой области фактически опираются на гипотезу о макросоциальной детерминации протестных настроений молодых людей. Собственно, сама волна протестных акций 2017-го г. нередко объясняется исследователями именно как следствие фрустрации, возникшей у российской молодежи из-за болезненного снижения качества жизни и прогрессирующей морально-этической

турбулентности российского общества (подобную логику мы усматриваем в работах Е.М. Авраамовой [7], Е.В. Шлыковой [8] и др.). Разумеется, различные макросоциальные факторы могут играть (и вероятнее всего, действительно играют) важную роль в детерминации протестных настроений молодых людей. Однако мы полагаем, что на интенсивности подобных настроений сказываются не только они.

Наши предшествующие исследования показывали, что социальные настроения молодежи и характерные ей поведенческие установки в значительной степени зависят от тех ценностей, которые разделяют ее представители [9]. Ценности формируют общую мировоззренческую рамку, через которую молодые люди воспринимают мир, и поэтому существенно сказываются на том, как именно они интерпретируют и оценивают окружающие их события. Опыт прошлых исследований показывал нам, что между в минувшие несколько лет в сознании российской молодежи происходили определенные ценностные трансформации: прогрессировала тоска по честности, свободе и справедливости в обществе и одновременно с этим усиливалось раздражение из-за гипертрофированной роли силы и выгоды в обществе [10]. Вероятно, такие трансформации тоже могли усилить склонность молодых людей к активному протестному поведению. Ощущение прогрессирующего дефицита справедливости, честности, свободы и убеждение в примате силы и личного успеха являются важными симптомами, которые говорят о недовольстве человека теми социальными порядками, которые его окружают. И если такое недовольство молодежи действительно обладает массовым характером и склонно со временем усиливаться – то, вероятно, оно вполне может служить катализатором ее протестных настроений. Поэтому мы считаем разумным предположить, что в основе того всплеска молодежной протестной активности, который случился в 2017-м г., лежало не только напряжение молодежи из-за неблагоприятных макросоциальных трендов, но и определенные ценностные, мировоззренческие установки. Поэтому ценностный аспект вопроса, по нашему мнению, также нуждается в изучении.

В данной работе мы намерены сделать один из шагов, необходимых для проверки предположения о влиянии ценностей российской молодежи на интенсивность ее протестных настроений. Для того, чтобы более или менее обоснованно рассуждать о природе и силе такого влияния, необходимо предварительно проверить, действительно ли оно существует. И ниже мы расскажем о текущих результатах собственного исследовательского проекта, одной из задач которого как раз является проверка существования данной взаимосвязи¹.

Методология исследования

Прежде, чем перейти к описанию результатов проведенного исследования, будет уместно пояснить его базовую концептуальную идею и процедурные особенности. И прежде всего, следует упомянуть о том, что исходная идея о связи между ценностями людей и их протестными настроениями имеет в социально-гуманитарной науке относительно давнюю историю изучения. Тезис о том, что ценности людей способны влиять на их склонность к различным протестным активностям, был артикулирован еще в классических работах в области политической культуры. Мы находим созвучные рассуждения уже в тех научных трудах Г. Алмонда [11], Л. Пая [12], Е. Вятра [13] и других авторов, которые закладывали традиции изучения политической культуры в середине XX века. Более того, созвучные идеи распространены и в современной исследовательской практике. Идея о возможности влияния

¹ Подчеркнем: речь идет пока именно о предварительных итогах долгосрочного проекта. В рамках исследования завершены пилотажные работы, которые могут использоваться как база для первичных выводов, но они требуют деликатного и осторожного отношения. Поэтому в своих рассуждениях мы намеренно будем воздерживаться от претензий на абсолютную окончательность сформулированных выводов.

ценностей на протестные и иные политические настроения людей лежит в основе глобального исследовательского проекта «Всемирное исследование ценностей» («World Values Survey»), который уже многие годы проводит команда под руководством К. Вельцеля и Р. Инглхарта [14]. Схожая логика прослеживается в трудах других современных исследователей: Т. Гарра [15], Э. Лютвака [16], Д. Шарпа [17] и др. Иными словами, сложившаяся практика исследований показывает, что ценности действительно описываются в науке как важный атрибут политического процесса, и их влияние на протестные настроения и поступки людей действительно вполне возможно. Впрочем, важно понимать, как именно может работать механизм подобного влияния.

Исходное понятие протеста в науке может быть интерпретировано с разных позиций. Существует как минимум три возможных направления его описания, каждое из которых акцентирует особые аналитические ракурсы: теория относительной депривации, теория коллективного поведения и теория мобилизации ресурсов [18, с. 60]. Тем не менее, несмотря на столь отчетливую полипарадигмальность, существующие теории разнятся лишь в интерпретативных нюансах и описании причинно-следственных связей, которые лежат в основе формирования и развития протеста в обществе. Базовое, общее представление о том, что такое протест, все же устойчиво. В большинстве случаев под протестом принято понимать некую ситуацию обозначения людьми своего несогласия с тем, как развивается текущая ситуация в политике, экономике, культуре или обществе в целом. Характерно, что такая широкая трактовка протеста не только аналитически возможна, но и реально применяется в научной литературе: мы обнаруживаем созвучную интерпретацию протеста в трудах таких авторов, как Ч. Тилли [19], Ю. Хабермас [20], Е.В. Ефанова [21] и др. Поэтому мы можем описать протестные настроения как склонность людей высказывать свое несогласие с тем, как складываются дела в различных сферах жизни общества. Отталкиваясь от такого понимания протестных настроений, мы получаем возможность прояснить ту роль, которую в процессе их формирования могут играть ценности.

Ценности чаще всего интерпретируются социально-гуманитарной наукой как некие системы убеждений людей, отражающие субъективные значимости, которые они приписывают тем или иным целям и идеалам [22]. Конечно, было бы преувеличением сказать, будто в науке в принципе отсутствуют теоретико-методологические дискуссии о смысле понятия «ценность». В частности, существуют дискуссии об аналитических границах этого понятия и его соотношении с родственными терминами: «моралью» [23], «нормой» [24], «потребностью» [25]. Примечателен и плюрализм взглядов на описание процесса формирования ценностей и факторов, которые на этот процесс влияют [26; 27; 28]. Тем не менее, существующие теоретико-методологические дискуссии в основном затрагивают лишь частные нюансы, в то время как общее представление о том, что такое ценности, по нашим наблюдениям, в науке также скорее устоялось. И в целом мы можем себе позволить рассуждать о ценностях как неких системах приоритетов людей, которые отражают, что рассматривается ими как важная часть жизни, а что – нет. Более того, важно понимать, что, как отмечают многие авторы, такие системы приоритетов не только существуют в сознании людей, но и напрямую отражаются на их запросах и моделях поведения, поскольку сильно влияют на жизненные цели и представления о допустимых способах их достижения [29; 30; 31]. Соотнося это понимание с озвученными выше выводами о протесте и протестных настроениях, мы получаем возможность описать, как именно ценности людей могут сказываться на их готовности высказывать свое несогласие с ситуацией в тех или иных сферах жизни общества.

Конечно, едва ли мы можем себе позволить утверждение, будто ценности конкретных людей напрямую говорят о том, склонны ли они против чего-то протестовать. Даже в качестве гипотезы такое предположение выглядело бы не только спорным, но и спекулятивным. Но все же влияние ценностей на готовность людей протестовать против того, что вызывает их

негативное отношение, вероятно, действительно может существовать. Протестные настроения, как мы отмечали выше, представляет собой склонность людей выражать свое несогласие с тем, как именно складывается ситуация в той или иной сфере жизни общества или даже в обществе в целом. Соответственно, необходимым и очевидным условием формирования протестных настроений является наличие несогласия с тем, как именно идут дела в обществе: ведь человек едва ли захочет выражать свое недовольство существующей ситуацией, если эта ситуация его устраивает. Напрашивается предположение, что один из источников этого несогласия может как раз возникать на уровне ценностей людей. Ценности, как мы отмечали выше, отражают представления людей о том, что является важным, а что – нет, и в значительной мере определяют их запросы и предпочитаемые модели поведения. Несоответствие наблюдаемой социальной действительности тем идеалам, которые отражены на уровне ценностей, создает благоприятную почву для фрустрации людей: ведь фактически такое несоответствие напрямую сигнализирует о принципиальном несовершенстве окружающего мира. И длительное воспроизводство этой фрустрации вполне может приводить людей либо к пересмотру своих ценностей, либо как раз к артикуляции своего несогласия с наблюдаемой действительностью. Именно в этом, как мы полагаем, и может проявляться влияние ценностей людей на их склонность к выражению своего протеста.

Таким образом, сама постановка вопроса о важной роли ценностей в детерминации протестных настроений российской молодежи действительно принципиально возможна. Ощущение контраста между ценностями, которые разделяет российская молодежь, и теми социальными реалиями, которые она наблюдает в своей повседневной жизни, отмечалось многими исследователями. Работы таких авторов, как Д.О. Мельникова [32], Д.М. Русакова [33], Д.И. Чичкин и О.В. Шиняева [34] и др. показывали, что ощущение «неправильности», ценностного несовершенства окружающего мира имело разные проявления, но само по себе прослеживалось у молодых россиян на протяжении многих лет. Наши собственные исследования показывали, что этот контраст между сложившимися ценностями и наблюдаемой реальностью в восприятии молодых людей не просто воспроизводился на протяжении многих лет, но и был склонен к усилению. Данные сравнительного сопоставления исследований, проведенных нами между 2012-м и 2018-м гг., показывают довольно красноречивую картину. На протяжении всех этих лет большинство молодых людей описывало ценностную основу российского общества как противоречащую ценностной основе идеального социума. Если идеальному обществу молодежь оказалась склонна приписывать такие ценности, как справедливость, честность, закон, то в российском социуме она стабильно видела примат силы, личного успеха, денег и иных индивидуалистических ценностей [35]. Принимая во внимание устойчивость и силу такого контраста между ценностями и наблюдаемой действительностью в восприятии молодежи, мы предположили, что готовность молодых людей к протестным высказываниям или действиям может иметь в том числе и ценностную подоплеку. Наша гипотеза заключалась в том, что устойчивое ощущение контраста между ценностями и реальным общественным устройством создает благоприятную почву для интенсификации протестных настроений российской молодежи.

Первичную верификацию этой гипотезы мы выполнили зимой 2018–2019 гг. в ходе собственного социологического исследования. Эмпирическую базу исследования, о котором идет речь, составили данные пилотажного анкетного опроса, выполненного нами среди молодежи г. Екатеринбурга. Разумеется, мы принимаем во внимание, что данные любого пилотажного опроса требуют деликатного отношения и потенциал их экстраполяции существенно ограничен. Приоритетная цель любого такого исследования все же заключается в тестировании на малой выборке инструментария, предназначенного для других, более масштабных исследовательских работ. Скромный объем выборки и спонтанные влияния уязвимостей тестируемого инструментария заведомо сужают коридор аналитических

возможностей для работы с таким материалом. Поэтому данные, получаемые в ходе подобного пилотажного опроса, могут использоваться лишь как база для первичной оценки справедливости выдвигаемых гипотез, а результаты такой оценки необходимо дополнительно проверять в ходе других, более масштабных обследований. Тем не менее, при грамотной организации такие пилотажные опросы все же способны служить источником данных для предварительных выводов. Выборка пилотажного опроса существенно меньше, чем объем опрошенных в рамках основных полевых работ, но она тоже формируется на основе четких квотных критериев и правил отбора². Сам инструментарий исследования в данном случае также относительно надежен и точен: даже на этапе пилотажа в анкете используется подробный перечень вопросов, который помогает раскрыть суть изучаемых явлений с разных сторон.

Поэтому мы посчитали, что можем позволить себе подвести предварительный итог реализуемых полевых работ и выполнить первичную верификацию выдвинутой гипотезы даже на материалах пилотажа. Хотя, разумеется, мы учитывали предварительность получаемых выводов и будем осторожны в их описании и интерпретации.

Результаты исследования

Ключевой фокус исследования для нас был сосредоточен на проверке влияния ценностей молодых людей на их протестные настроения. Поэтому первой задачей, которую было важно выполнить в ходе исследования, являлась общая диагностика протестных настроений опрошенных молодых людей. В социологических опросах такая диагностика чаще всего опирается на классическую технику, базирующуюся на прояснении двух частных вопросов: протестного потенциала и протестных намерений. В первом случае речь идет о том, насколько большой люди считают вероятность проведения в своем населенном пункте различных акций протеста. Во втором случае – о том, насколько они допускают свое собственное участие в таких протестных акциях [36, с. 56]. Мы придерживались в своем исследовании именно этого подхода, поэтому в ходе анкетирования задавали опрошенным два дихотомических вопроса: «*В Вашем городе сейчас скорее вероятны или скорее не вероятны митинги, манифестации, другие акции протеста?*» и «*Если такие акции состоятся, Вы скорее примете или скорее не примете в них участие?*». Сравнивая полученные ответы и комбинируя их между собой, мы смогли диагностировать общий уровень протестного потенциала и протестных намерений опрошенных молодых людей и пришли к выводу, что они обладают довольно умеренным характером.

Анализ показал, что в целом по совокупности респондентов лишь немногие ожидают в городе акций протеста: их допускают только 24,2 % от общего числа опрошенных молодых людей. Показательно и то, что лично участвовать в таких акциях собирается еще меньшее число – только 22,6 % от общего количества респондентов. Причем здесь важно учитывать, что на ответы опрошенных вряд ли влияет стремление дать социально желательный ответ или опасения отвечать на провокационный вопрос. Понимая этическую деликатность любых вопросов, связанных с протестными настроениями и установками, мы намеренно включили в каждый из этих вопросов дополнительный вариант – «*Не хочу отвечать*». Несмотря на то, что в опросниках для раздаточного анкетирования подобные формулировки включаются в перечень вариантов ответа довольно редко, мы пошли на этот шаг намеренно: было важно дать возможность отказаться от ответа тем людям, которые боятся рассуждений на тему протеста, а заодно – оценить примерную долю таких людей в общем массиве опрошенных. Некоторые из

² В данном случае была использована квотная половозрастная выборка среди молодежи Екатеринбурга. В основе квот лежали критерии пола, возраста и района проживания опрошенных. Суммарно опрошены 124 представителя городской молодежи в возрасте от 18 до 30 лет. Объем квот вычислен на основе половозрастной и районной сегментации населения г. Екатеринбурга.

респондентов в итоге действительно отказались от ответа на эти вопросы (хотя бы на один из них не ответили 9 из 124), но все же у большинства из них сложностей с ответом не возникло. Так что мы в данном случае имеем относительно точную характеристику протестного потенциала и протестных намерений опрошенных молодых людей, влияние на них со стороны искажающих факторов видится маловероятным. Стоит также заметить, что результаты опроса в данном случае в целом совпадают с теми тенденциями, которые обычно фиксируются за мерами общественного мнения в масштабах всей России. Так, в конце 2018 г. данные ВЦИОМ говорили о том, что акций протеста в своем городе ожидают 29,0 % россиян, а лично готовы в них участвовать только 27,0 %³. Сопоставимые показатели за этот период приводит и фонд «Общественное мнение»⁴. Иными словами, даже несмотря на то, что наш опрос был лишь пилотажным исследованием, в данном случае он показал тенденцию, сопоставимую с теми, которые демонстрируют более масштабные замеры.

Анализ также показал, что совокупность тех молодых людей, которые все же ориентированы на участие в акциях протеста, довольно неоднородна. Комбинируя ответы молодых людей на два исходных вопроса, мы смогли получить более детальную сегментацию массива опрошенных на группы с различным отношением к акциям протеста и своему возможному участию в таких акциях (см. таблица 1).

Таблица 1

**Типология опрошенных по специфике отношения
к акциям протеста и своему личному участию в таких акциях**

<i>Варианты ответа</i>	Абс. число ответивших	% от числа ответивших
Считают, что в их населенном пункте вероятны акции протеста, и готовы сами принять в них участие	9	7,3
Считают, что в их населенном пункте вероятны акции протеста, но сами в них участвовать не хотят	18	14,5
Считают, что в их населенном пункте, скорее всего, не будет акций протеста, но готовы участвовать в таких акциях, если они все-таки случатся	19	15,3
Считают, что в их населенном пункте маловероятны акции протеста и в принципе не хотят участвовать в подобных акциях	69	55,6
<i>Затрудились с ответом хотя бы на один из двух исходных вопросов</i>	9	7,3
<i>Всего</i>	124	100,0

Разработано автором

Разработанная типология позволяет увидеть, что несмотря на в целом явно умеренный характер протестных настроений опрошенных молодых людей, у определенной части из них такие настроения обладают латентным, «спящим» характером. По полученным данным видно, что подавляющее большинство опрошенных заведомо далеки от вопросов протеста: более половины из них одновременно и не считают протестные акции возможными, и исключают свое личное участие в них. Однако здесь следует обратить внимание и на иную группу молодых людей, которые важны для оценки реальной вероятности вовлечения молодежи в акции протеста. Видно, что более 15 % опрошенных не видят реальных причин возникновения в своем городе акций протеста, но при этом хотели бы участвовать в таких акциях лично. Конечно, важно относиться к размеру этой группы осторожно. Учитывая довольно ограниченный объем выборки, на которую опирается пилотажный опрос, внушительной выглядит только доля таких

³ Протестный потенциал // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=177> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

⁴ Протестные настроения // Официальный сайт фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11090> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

молодых людей в общем массиве опрошенных, но не их фактическое число: реально таких людей набирается только 19 человек из 124. Тем не менее, само существование такого сегмента молодых людей обладает высокой значимостью. Фактически те молодые люди, которые попали в этот сегмент, представляют из себя скрытый мобилизационный резерв любой волны протестной активности. Потенциал их участия в реальных акциях протеста сейчас сдерживает в первую очередь отсутствие таких акций, тогда как внутренняя готовность участия у них уже сформирована. Интенсификация протестных акций даст таким молодым людям почву для выплеска своего раздражения. Поэтому их существование едва ли уместно игнорировать.

Таким образом, важно понимать, что вся совокупность молодых людей, которые могут проявлять интерес к акциям протеста, неоднородна и включает в себя как минимум две подгруппы: тех, кто готов участвовать в акциях протеста и считает их проведение вероятным, а также тех, кто хотел бы принять участие в подобных акциях, но оценивает вероятность их проведения скептически. Опыт предшествующих исследований подсказывает нам, что между этими двумя подгруппами, вероятно, существуют какие-то различия [37]. Тем не менее, проверить это предположение на данном этапе не представляется возможным. К сожалению, в данном случае сказываются те ограничения, которые налагает пилотажный характер исследования. Из-за малого объема выборки сравнение таких групп фактически предполагает анализ показателей, характерных подгруппам размером в 9 и 19 человек. Увы, столь малый количественный размер сравниваемых подгрупп создает высокий риск возникновения погрешностей и искажений при проведении любых статистических расчетов. Поэтому в данном случае нам сложно проверить, каким образом и насколько сильно различаются между собой те молодые люди, которые готовы участвовать в акциях протеста и ждут этих акций в своем городе, от тех, кто хотел бы участвовать в акциях протеста, но не видит реальной вероятности проведения таких акций. Мы можем лишь отметить, что такие подгруппы молодых людей существуют, и предположить, что демографические, психические, поведенческие и иные черты их представителей могут быть различными. Но проверить обоснованность этого предположения в данном случае не в наших силах. Поэтому в дальнейшем мы будем рассуждать об этих подгруппах опрошенных как о целостной совокупности молодежи, ориентированной на участие в протестных акциях. И именно от такой логики мы будем отталкиваться в дальнейшем, рассуждая о ценностях молодых людей.

Собственно, второй важной задачей, которую нам необходимо было решить в рамках исследовательских работ, являлось выявление и описание тех ценностей, которые характерны молодым людям. Важно было понять, каковы общие ценностные предпочтения молодых людей, и проверить, существует ли какая-то роль этих ценностных предпочтений в формировании протестных настроений. При решении этой задачи мы решили придерживаться того же подхода, который использовали в предшествующих исследованиях и который позволил нам проследить динамику ценностных предпочтений молодых людей в 2012–2018 гг. С одной стороны, этот подход уже показал свою точность и надежность: о его высоких эвристических возможностях говорили как адекватные реакции респондентов в предшествующих исследованиях, так и многогранные эмпирические данные, полученные в результате проводившихся ранее эмпирических замеров. С другой стороны, нам было важно соблюсти преемственность с прежними исследовательскими проектами для того, чтобы в дальнейшем сравнить и дополнить свои выводы. Поэтому диагностику ценностей молодых людей мы в данном случае построили на основе двух созвучных вопросов: *«На каких принципах, по Вашему мнению, должно строиться общество в идеале?»* и *«Какие принципы, по Вашим ощущениям, сейчас стали самыми важными в российском обществе?»*. Анализ ответов, полученных на эти вопросы, показывает, что, в понимании многих молодых людей, современный российский социум крайне далек от ценностного идеала (см. таблица 2).

Таблица 2

Ценности идеального общества и российского общества в ответах опрошенных (поливариантные вопросы)

Ценности	Идеальное общество		Российское общество	
	абс. число ответивших	% от числа ответивших	абс. число ответивших	% от числа ответивших
Выгода	2	1,6	110	88,0
Доверие	51	40,8	1	0,8
Закон	63	50,4	10	8,0
Личный успех	11	8,8	78	62,4
Мораль	64	51,2	5	4,0
Права человека	89	71,2	8	6,4
Равенство	43	34,4	5	4,0
Свобода	75	60,0	13	10,4
Семья, дом	52	41,6	26	20,8
Сила	2	1,6	52	41,6
Собственность	6	4,8	70	56,0
Справедливость	77	61,6	2	1,6
Традиция	6	4,8	39	31,2
Труд	27	21,6	16	12,8
<i>Всего</i>	<i>124</i>	<i>100,0</i>	<i>124</i>	<i>100,0</i>

Разработано автором

Видно, что в полученных ответах практически отсутствуют совпадения между идеальным и современным российским обществом. Каждая ценность либо приписывается большинством идеальному социуму, но лишь очень немногими упоминается применительно к российскому обществу, либо же, наоборот, отмечается многими как характерная для современной России, но лишь изредка приписывается идеалу. Заметно и то, что в ответах опрошенных прослеживается содержательно конкретное описание ценностного несовершенства российского общества. Набор тех ценностей, которые опрошенные приписывали современному российскому обществу чаще, чем идеальному социуму, включает в себя такие позиции как «Сила», «Собственность», «Личный успех» и «Выгода» (именно по этой позиции расхождение реального и идеального получилось особенно драматичным). При этом наиболее дефицитными ценностями российского общества, судя по полученным ответам, являются «Справедливость», «Права человека» и «Закон» (в среднем разница между их упоминанием в контексте идеального и российского общества превышает 45 %). По сути, в полученных ответах просматривается убеждение молодых людей в гипертрофированной роли индивидуалистических ценностей в российском обществе, которое сопровождается дефицитом ценностей, связанных с нормативным регулированием и социальной справедливостью. Опять же, стоит подчеркнуть, что мы имеем дело с итогами пилотажного опроса, и его результаты обладают лишь предварительным характером. Но все же обратить внимание на это распределение стоит: ведь, по сути, оно говорит о том, что большинство опрошенных молодых людей не просто считают сложившиеся общественные реалии несовершенными, но и видят вполне конкретный перечень существующих морально-этических патологий общества.

Важным следствием этого является тот факт, что само по себе наличие ценностной неудовлетворенности, по всей видимости, не является причиной формирования массовых протестных настроений молодежи. Опрос показал, что абсолютное большинство опрошенных представителей молодежи отнюдь не считают российское общество идеальным и видят в нем большое число морально-этических изъянов. Контраст между долями тех, кто видит те или иные ценности в идеальном обществе, и теми, кто ощущает их проявления в России, – массовый, по некоторым позициям он превышает 50 %. Тем не менее, как мы отмечали выше, протестный потенциал и протестные намерения молодых людей отнюдь не являются такими

же сильными. Иными словами, конкретные ценностные несовершенства российского общества замечает абсолютное большинство опрошенных молодых людей. В то же время, большинство из них скептически оценивают вероятность проведения в своем городе акций протеста и исключают свое собственное участие в таких акциях. Фактически это говорит о том, что само по себе ощущение ценностного несовершенства общества вряд ли является главным катализатором массовых протестных настроений молодых людей. Вероятно, следует говорить о том, что понимание такого ценностного несовершенства общества формирует определенную почву для интенсивных протестных настроений молодых людей, но для большинства из них оно не является решающим фактором формирования таких настроений. Конечно, это предварительный вывод: поскольку в данном случае мы опираемся на результаты пилотажного обследования, будет правильнее воздержаться от претензий на окончательное и всеобъемлющее заключение. Но все же те результаты, которые есть в нашем распоряжении на данный момент, показывают, что молодые люди, которые видят ценностное несовершенство общества, далеко не всегда склонны выражать свое несогласие с существующими проблемами. Уже само по себе это говорит о том, что ценности молодых людей вряд ли стоит рассматривать как главный фактор формирования у них протестных установок.

Тем не менее, полностью исключить влияние ценностей на склонность молодых людей к протестным настроениям тоже будет не верно. Дело не только в том, что пока мы опираемся лишь на результаты пилотажного опроса и вынуждены заведомо воздерживаться от категоричных выводов. Сами данные говорят о том, что определенная роль ценностей в формировании протестных настроений молодежи все же может существовать. Влияние, которое ценности могут оказывать на протестные настроения молодых людей, специфично и отличается от того, которое мы предполагали на уровне гипотезы. И все же такое влияние представляется возможным. В этом легко убедиться, проанализировав ценностные предпочтения упоминавшегося выше узкого сегмента опрошенных – тех молодых людей, которые говорят о своей личной готовности выйти на протестные акции, если таковые случатся. Таких среди всех опрошенных, напомним, оказалось 28 человек (или 22,6 % от всего массива респондентов). Вне зависимости от того, насколько высокой эти люди считают вероятность проведения в своем городе реальных акций протеста, их собственная готовность принимать в таких акциях участие высока. Поэтому нам в данном случае было важно проверить, какие ценностные предпочтения присущи этим людям и отличаются ли они от тех, которые прослеживаются среди всех остальных. Сфокусировавшись на данном узком сегменте опрошенных, мы увидели, что их ответы на вопросы о ценностях действительно несколько отличаются от тех, которые характерны всем остальным. Эти отличия не радикальны, но примечательны. И именно этот факт наталкивает нас на мысль, что влияние ценностей на уровень протестных настроений молодежи все же может существовать.

Анализ ответов, полученных от молодых людей, ориентированных на участие в акциях протеста, показывает, что в целом их видение общественного идеала похоже на настроения всех остальных опрошенных (см. рисунок 1). Ценностными доминантами идеального общества для них так же, как и для всех остальных, являются права человека, справедливость, свобода, закон, мораль. Но при этом заметно, что каждая из этих ценностей упоминается представителями этой подгруппы опрошенных несколько чаще, чем в среднем по массиву. Так, о важности закона в идеальном обществе говорят 70 % тех молодых людей, которые допускают свое личное участие в акциях протеста, хотя в целом по массиву опрошенных доля таких людей достигает только 50,4 %. Аналогичным образом дело обстоит и с правами человека: в целом по массиву опрошенных эту ценность приписывают идеальному обществу 71,2 %, тогда как среди тех молодых людей, которые потенциально готовы участвовать в акциях протеста, их доля повышается до 86,7 %. И аналогичное расхождение прослеживается во всех остальных ценностях, которые наиболее часто приписываются идеальному социуму. Конечно, важно

понимать, что все эти отличия не радикальны: сама структура и сравнительная важность тех ценностей, которые приписывают идеальному обществу молодые люди, готовые участвовать в акциях протеста, все равно похожа на те настроения, которые прослеживаются у других респондентов. Кроме того, разница в процентах в данном случае нуждается в осторожной интерпретации: все же стоит учитывать, что из-за пилотажного характера исследования мы сравниваем между собой относительно небольшие сообщества людей, и это сказывается на специфике вычисления процентов. Однако все же напрашивается вывод о том, что молодые люди, допускающие свое участие в акциях протеста, несколько чаще хотят видеть в идеальном обществе ценности закона, прав человека, свободы, справедливости.

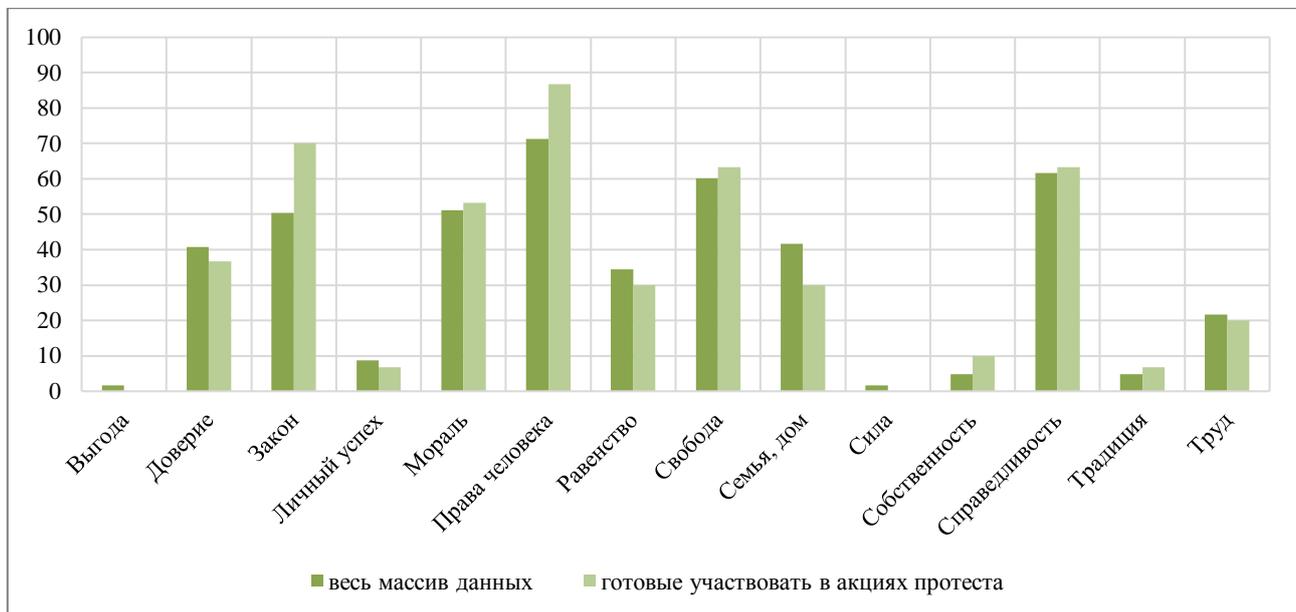

Рисунок 1. Ценности идеального общества: весь массив vs. респонденты, готовые участвовать в акциях протеста (закрытый вопрос, % от числа ответивших) (разработано автором)

Аналогичная специфика прослеживается и в том, какие ценности молодые люди, ориентированные на участие в акциях протеста, усматривают в современном российском обществе (см. рисунок 2). В целом распределение их ответов на вопрос о ценностях российского общества сопоставимо с ответами, полученными по всему массиву. Похожим оказывается как перечень ценностей, которые чаще других приписываются российскому обществу, так и сравнительная популярность конкретных ответов. В целом можно сказать, что гипертрофированную роль индивидуалистических ценностей в российском социуме ощущают и те молодые люди, которые допускают свое участие в акциях протеста, и те, кто такое участие скорее исключает. Однако распределение ответов говорит о том, что острота этого ощущения разная. В целом по массиву опрошенных о большой важности личного успеха для российского общества говорят 62,4 %, но в то же время среди тех молодых людей, кто приписывает себе готовность участвовать в акциях протеста, эта доля повышается до 76,7 %. Такая же разница есть и в отношении к ценности силы: в среднем по массиву ее проявления в российском обществе усматривают 41,6 %, а среди тех, кто ощущает готовность участвовать в акциях протеста, – 63,3 %. Расхождение есть и в оценке ценности собственности: ее проявления в российском обществе ощущают 65,3 % тех, кто готов участвовать в акциях протеста, хотя в целом по массиву таких набирается только 56,0 %. Конечно, и в данном случае важно соблюдать осторожность с интерпретацией существующих расхождений в ответах: различия в долях не радикальны, а сами выводы могут быть только предварительными. Тем не менее, существующие различия видятся нам слишком симптоматичными, чтобы списать их только на

случайные флуктуации: расхождения прослеживаются в отношении не к одной из ценностей, а сразу к трем. Поэтому мы полагаем, что это важное различие, которое в сочетании с предшествующим выводом помогает понять логику специфического влияния ценностей на готовность молодых людей выражать свое несогласие с тем, как складываются дела в обществе.

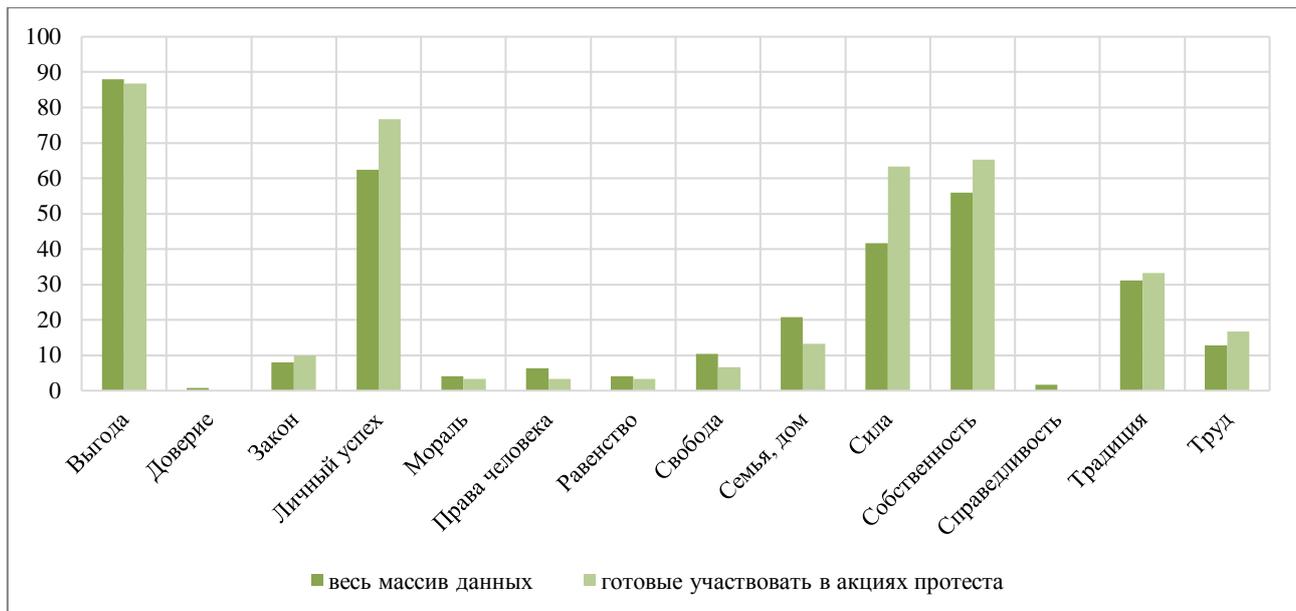

Рисунок 2. Ценности российского общества: весь массив vs. респонденты, готовые участвовать в акциях протеста (закрытый вопрос, % от числа ответивших) (разработано автором)

Фактически можно говорить о том, что молодых людей, готовых участвовать в акциях протеста, выделяет на фоне остальных более острое ощущение ценностного несовершенства общества. Те, кто чувствует в обществе дефицит одних ценностей и гипертрофированную роль других, среди таких людей встречаются чаще. Говорить о каком-то радикальном отличии ценностей таких представителей молодежи нельзя: видно, что в основном они замечают в обществе те же самые ценностные патологии, что и большинство других опрошенных. Но яркость и силу этих ценностных патологий молодые люди, допускающие свое участие в протестных действиях, вероятно, ощущают сильнее. По крайней мере, те, кто замечают несоответствия между ценностями идеального и реального общества, встречаются в этой подгруппе чаще, чем по массиву опрошенных в целом. Конечно, мы вынуждены быть осторожными в интерпретации этого факта, поскольку работаем только с предварительным материалом. Но все же наличие стольких логически связанных отличий этой узкой группы респондентов от показателей по общему массиву видится нам закономерным. Поэтому рискуем предположить: ценностный фактор все-таки играет определенную роль в детерминации протестных настроений молодых людей. Чуткими к воздействию этого фактора оказываются не все молодые люди, а лишь часть из них. Тем не менее, сам факт того, что среди молодых людей, которые допускают свое участие в акциях протеста, чаще оказываются те, кто ощущают проявления ценностного несовершенства общества, представляется показательным.

Опираясь на полученные данные, мы можем предположить, что ценности играют не решающую, но все же важную роль в детерминации протестных настроений молодежи. Ощущение несоответствия окружающей социальной действительности сложившимся в сознании ценностным идеалам создает благоприятные условия для роста недовольства молодых людей. Как показывает анализ, это ощущение далеко не всегда приводит к реальному росту недовольства молодых людей и повышению их готовности участвовать в акциях протеста. Сам факт существования молодых людей, которые ощущают несоответствие

реального положения дел в обществе своим ценностным идеалам, но при этом не имеют выраженных протестных настроений, показывает, что молодежь бывает равнодушна к ценностной «неправильности» окружающего общества. Тем не менее, в ряде случаев ощущение ценностного несовершенства общества действительно конвертируется в реальные протестные настроения молодых людей. И результаты, полученные на данном этапе, позволяют даже предположить, что вероятность формирования и проявления таких протестных настроений несколько выше у тех молодых людей, которые ощущают ценностное несовершенство общества. Вероятнее всего, так происходит потому, что фактор ценностей сильно связан с другими переменными, которые влияют на уровень недовольства молодых людей и их готовность высказывать свое несогласие с ситуацией в обществе. Ощущение ценностного несовершенства общества закладывает потенциальную почву для раздражения молодых людей, но реальный рост этого раздражения и его конвертацию провоцируют уже другие факторы. Иными словами, нельзя сказать, что проведенный анализ не опровергает исходную гипотезу, но показывает, что она нуждается в уточнении.

Заключение

Написание данной работы было вдохновлено нашим стремлением выполнить первичную проверку предположения о важной роли ценностей в детерминации протестных настроений российской молодежи. Прделанная аналитическая работа позволяет сделать предварительное заключение, что роль ценностей в развитии готовности молодых людей как-то выражать свое несогласие с существующей социальной действительностью стоит оценивать осторожно. Соответственно, та гипотеза, от которой мы отталкивались при начале своего исследовательского проекта, нуждается в коррекции и уточнении. Сама идея о том, что ценности могут являться фактором в формировании протестных настроений молодежи, скорее справедлива. Однако механизм воздействия этого фактора, по всей видимости, является довольно запутанным.

Прямое влияние ценностей на протестные настроения молодежи вызывает серьезные сомнения: анализ показал, что понимание ценностного несовершенства российского общества есть у многих молодых людей, но далеко не всех оно приводит к формированию протестных настроений. Вероятнее всего, в большинстве случаев это ценностное несовершенство общества просто воспринимается молодыми людьми как объективная данность и не становится реальным катализатором протестных настроений. Тем не менее, полностью исключать воздействие ценностного фактора на протестные настроения молодых людей тоже не следует. Анализ подтверждает: ощущение ценностного несовершенства общества сильнее выражено у тех молодых людей, которые ориентированы на участие в акциях протеста. Соответственно, можно предположить, что, хотя ценности не являются главным (и тем более – единственным) фактором формирования протестных настроений молодых людей, их существенное влияние на формирование таких настроений существует.

По итогам проведенного исследования мы можем уточнить исходную гипотезу. Мы предполагаем, что протестные настроения молодежи существенно зависят от специфики тех ценностей, которые разделяют ее представители. Однако роль этого фактора в формировании протестных настроений молодежи – не прямая, а скорее косвенная. Ощущение ценностного несовершенства общества повышает вероятность формирования у молодежи недовольства тем, как складываются дела в обществе, но не обязательно приводит к реальному росту этого недовольства и его конвертации в конкретные действия. Это ощущение лишь закладывает почву для роста протестных настроений молодежи, но их реальный рост, вероятно, стимулируют иные факторы. Что именно это за факторы и как именно они работают – мы планируем выяснить в ходе последующих исследований.

Проведенное исследование показало, что сама постановка вопроса о влиянии ценностей молодежи на уровень ее протестных настроений вполне возможна, а анкетный опрос позволяет собирать довольно обширные эмпирические данные, необходимые для анализа такого влияния. Тем не менее, в ходе опроса стала очевидна необходимость доработки анкетного инструментария, который может применяться для изучения этой темы. Во-первых, проявилась необходимость расширения круга изучаемых вопросов: на данном этапе нам удалось понять специфику влияния ценностей на общие протестные настроения молодежи, но вопрос о факторах, которые приводят молодых людей к конкретным протестным действиям (как и сам репертуар таких действий), очевидно, нуждаются в дополнительном изучении. Во-вторых, мы полагаем, что в дальнейшем будет правильнее расширить ценностный блок анкетного инструментария: важно опираться на вопросы не только об идеальном и российском обществе, но и о ценностных ориентациях, которые присущи самим респондентам. Анализ показал, что исходный подход к выборке был скорее верным: строгое соблюдение половозрастных квот позволило получить результаты, сопоставимые с текущими всероссийскими опросами. Поэтому мы полагаем, что проделанная работа не только позволяет выполнить первичную проверку выдвинутой гипотезы, но и формирует определенную модель выполнения более масштабных исследовательских работ. В будущем мы сможем провести более масштабное исследование для окончательной проверки выдвинутой гипотезы: доработав анкетный инструментарий и увеличив число респондентов (до 400–500 представителей молодежи города), мы сможем получить более точные и достоверные выводы.

Пока же подчеркнем, что на данном этапе мы можем позволить себе лишь сугубо предварительные заключения. Имея в своем распоряжении данные лишь первичного, пилотажного замера, мы вынуждены проявлять крайнюю осторожность в интерпретации данных и формулировке заключений. Поэтому мы хотели бы воздержаться в данном случае от притязаний на окончательные выводы и отметить, что понимание истинной роли, которую фактор ценностей играет в формировании протестных настроений молодежи, еще предстоит изучить в ходе дальнейших исследований. Учитывая такую предварительность полученных выводов, нам хотелось бы избежать слишком смелых обобщений и выводов и пригласить коллег к дискуссии и дальнейшему изучению темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грошева Л.И. Абсентеизм молодёжи как результат девиаций в социально-экономической политике // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2012. № 9 (29). С. 210–212.
2. Липская Л.А. Молодежь и политика: проблема повышения политической активности // Социум и власть. 2012. № 1 (33). С. 58–62.
3. Трофимова И.Н. Политические ориентации современной российской молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15. М.: Новый хронограф. 2017. С. 304–324.
4. Андреев А.И. Молодежь, патриотизм и протесты: краткий анализ и некоторые предложения // Инновационный потенциал молодежи: информационная, социальная и экономическая безопасность. Материалы международной молодежной научно-исследовательской конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета. 2017. С. 3–10.
5. Цюник Д.А. Оппозиционная деятельность молодого поколения в постсоветских государствах // PolitBook. 2017. № 4. С. 149–161.

6. Пономарев Н.А., Белов С.И., Майлис А.А. Противодействие росту вовлеченности молодежи в радикальный политический протест (на материалах массовых выступлений 2017 г.) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 150–169.
7. Авраамова Е.М. Молодежь в социально-экономической и этической системе координат // Общественные науки и современность. 2017. № 1. С. 86–98.
8. Шлыкова Е.В. Социальное настроение молодежи в условиях повседневных рисков мегаполиса // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15. М.: Новый хронограф. 2017. С. 395–418.
9. Руденкин Д.В., Оболенская А.Г. Диагностика актуальных социальных настроений молодежи: опыт эмпирического анализа // Научный журнал Дискурс. 2018. № 9 (23). С. 64–74.
10. Руденкин Д.В. Эволюция ценностей уральской молодежи: динамика социологических исследований 2012–2017 гг. // Человек в мире культуры. 2017. № 4. С. 129–132.
11. Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократия пяти наций // Антология мировой политической мысли. В 5 томах. Том 2. М., 1997. С. 592–611.
12. Пай Л. Культура и политическая наука: вопросы, возникающие при определении значения понятия политической культуры // Зарубежная научная литература о политической культуре стран Запада. Реферативный сборник под ред. Ю.А. Борко. М., 1981. С. 21–31.
13. Вятр Е. Политическая культура // Зарубежная научная литература о политической культуре стран Запада. Реферативный сборник под ред. Ю.А. Борко. М., 1981. С. 85–89.
14. Вельцель К., Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
15. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
16. Люттвак Э. Государственный переворот: Практическое пособие. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. 326 с.
17. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. – М: Свободный выбор, 2005. 84 с.
18. Руденкина А.И., Керимов А.А. Социально-политическая теория протеста в зарубежной науке // Социум и власть. 2016. № 4. С. 56–61.
19. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. – М.: Территория будущего, 2009. 328 с.
20. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2008. 417 с.
21. Ефанова Е.В. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // Власть. 2011. № 8. С. 30–33.
22. Елишев С.О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2010. № 3. С. 74–90.
23. Кирьякова А.В. Теория ценностей – методологический базис аксиологии образования // Электронное научное издание «Аксиология и инноватика

- образования». 2010. №1. URL: <http://www.orenport.ru/axiology/?doc=3> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
24. Павенков О.В. Нормативистские концепции ценностей и ценностных ориентаций в социологической науке (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. 2011. N 2 (91). С. 164–171.
 25. Махрова Е.И. Ценности и ценностные ориентации в современной научной литературе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 2 (21). С. 215–224.
 26. Спиридонова В.А. Проблема ценностей в социологии: Историко-теоретический аспект. Диссертация на соискание степени кандидата социологических наук. Москва, 2005. 150 с.
 27. Меренков А.В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2007. 280 с.
 28. Максименко А.А. Социологическая интерпретация понятия «ценность» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 284–291.
 29. Лапин Н.Г. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–23.
 30. Корж Н.В. Проблема ценностей и установок в социологии // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2011. № 3(34). С. 327–332.
 31. Романова О.О. Основные теоретические подходы к содержанию понятия «ценность» // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. №4 (22). С. 55–63.
 32. Мельникова Д.О. Молодежь и ценности: основные приоритеты // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история: сб. ст. по материалам VI Международной научно-практической конференции «Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история». № 6(4). М.: Интернаука, 2017. С. 34–37.
 33. Русакова Д.М. Ценностные ориентации современной молодежи // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2018 №1, URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/06SCSK118.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
 34. Чичкин Д.И., Шиняева О.В. Формирование ценностей молодёжи в социально-политической сфере // Модернизационный потенциал российской молодежи. Сборник научных трудов. Ульяновск, 2017. С. 286–289.
 35. Руденкин Д.В., Зотова А.С. Ценности молодежи в контексте морально-этической турбулентности российского общества // Мир педагогики и психологии. 2018. № 10 (27). С. 162–170.
 36. Мтиулишвили П.И. Индекс социальных настроений и показатели протестного потенциала населения // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 6. С. 55–64.
 37. Руденкин Д.В., Руденкина А.И. Протестный потенциал населения региона в условиях ухудшения социально-экономической обстановки: случай Свердловской области // 21 век: фундаментальная наука и технологии. Материалы XI международной научно-практической конференции. 2017. С. 103–106.

Rudenkin Dmitry Vasil'evich

Ural federal university named after the first president of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
E-mail: d.v.rudenkin@urfu.ru

Factor of values in the formation of protest moods of young people: the results of a pilot survey

Abstract. This article is devoted to the justification and primary empirical testing of the hypothesis about the significant role of values in the dynamics of protest moods of young people. The dynamics of young people's protest moods appeared in Russia after a series of actively discussed protest actions that took place in 2017. And now this interest remains strong. However, the most common research practice often leads only to the analysis of the dependence between protest moods of young people and external factors: fluctuations in socio-economic development or the political context. Basing on the experience of previous studies, the author assumes that the protest moods of young people may depend not only on such external factors, but also on those beliefs and attitudes of young people themselves. So, the key idea of the article is that protest moods of young people can be influenced by their values. The author submits this hypothesis to a primary test on the data of his own pilot sociological survey conducted among the youth of Yekaterinburg in the winter of 2018–2019. The data of this survey has shown, that the influence of values on the protest moods of young people may exist, but its role in the dynamics of such moods can be quite specific. Values play an important role in providing young people with basic discontent about how things are going in society. The data shows, that feeling of value imperfection of society is familiar for many young people. This feeling of value imperfection forms a dissatisfaction about society among many young people. But the irritation of young people arising on this basis does not always lead to the real increase of their protest moods. It is most likely that the factor of values of young people has a great influence on the formation of the basic discontent of young people about the current situation in society. But the conversion of this discontent into protest moods is influenced by a more complex system of factors. So, the research allowed the author to clarify the initial hypothesis about the role of values in the dynamics of protest sentiments of young people.

Keywords: youth; values; value request; value imperfection; protest; political protest; sociological survey

REFERENCES

1. Grosheva L.I. (2012). Youth absenteeism as a result of deviations in socio-economic policy. *Orel State University Bulletin*, 9(29), pp. 210–212 (in Russian).
2. Lipskaya L.A. (2012). Youth and politics: the problem of increasing political activity. *Society and power*, 1(33), pp. 58–62 (in Russian).
3. Trofimova Irina Nikolaevna (2017). Political orientations of today's youth in Russia. *Russia in Reform*, 15, pp. 304–324 (in Russian).
4. Andreev A.I. (2017). Molodezh', patriotizm i protesty: kratkiy analiz i nekotorye predlozheniya. [*Youth, patriotism and protests: a brief analysis and some suggestions.*] Ekaterinburg: Publishing House of the Ural Federal University, pp. 3–10.
5. Tsyunik D.A. (2017). Opposition activities of the young generation in post-soviet states. *PolitBook*, 4, pp. 149–161 (in Russian).

6. Ponomarev N.A., Belov S.I., Mailis A.A. (2018). Counteracting the Growth of Youth Involvement in Radical Political Protest (On the Materials of the 2017 Mass Demonstrations). *Public Administration. E-journal*, 67, pp. 150–169 (in Russian).
7. Avraamova E.M. (2017). Young people in socio-economic and ethical coordinate system. *Social sciences and contemporary world*, 1, pp. 86–98 (in Russian).
8. Shlykova E.V. (2017). The youth's social mood under condition of everyday risks in the metropolis. *Russia in Reform*, 15, pp. 395–418 (in Russian).
9. Rudenkin D.V., Obolenskaya A.G. (2018). Diagnostics of actual social moods of youth: the results of empirical analysis. *Scientific journal Discourse*, 9(23), pp. 64–74 (in Russian).
10. Rudenkin D.V. (2017). Evolution of values of Ural youth: the dynamics of opinion of young people in 2012–2017. *Man in the world of culture*, 4, pp. 129–132 (in Russian).
11. Almond G. (1997). Grazhdanskaya kul'tura. Politicheskie ustanovki i demokratiya pyati natsiy. V 5 tomakh. Tom 2. [Civic culture. Political installations and the democracy of the five nations. In 5 volumes. Volume 2.] Moscow: an anthology of world political thought, pp. 592–611.
12. Pay L. (1981). Kul'tura i politicheskaya nauka: voprosy, vznikayushchie pri opredelenii znacheniya ponyatiya politicheskoy kul'tury. [Culture and political science: questions arising in determining the meaning of the concept of political culture.] Moscow: Foreign scientific literature on the political culture of Western countries. Abstract collection under the ed. by Yu.A. Borko, pp. 21–31.
13. Vyatr E. (1981). Politicheskaya kul'tura. [Political culture.] Moscow: Foreign scientific literature on the political culture of Western countries. Abstract collection under the ed. by Yu.A. Borko, pp. 85–89.
14. Vel'tsel' K., Ingkharth R. (2011). Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. [Modernization, Cultural Change, and Democracy: Consistency in Human Development.] Moscow: New Publishing, p. 464.
15. Garr T.R. (2005). Pochemu lyudi buntuyut. [Why do people riot.] Saint Petersburg: Peter, p. 461.
16. Lyutvak Eh. (2015). Gosudarstvennyy perevorot: Prakticheskoe posobie. [Coup: A Practical Guide.] Moscow: Dmitry Pozharsky University, p. 326.
17. Sharp D. (2005). Ot diktatury k demokratii. Kontseptual'nye osnovy osvobozhdeniya. [From dictatorship to democracy. Conceptual framework of liberation.] Moscow: Free choice, p. 84.
18. Rudenkina A.I., Kerimov A.A. (2016). Social political theory of protest in foreign science. *Society and Power*, 4, pp. 56–61 (in Russian).
19. Tilli Ch. (2009). Prinuzhdenie, kapital i evropeyskie gosudarstva. [Coercion, capital and European states.] Moscow: Territory of the future, p. 328.
20. Khabermas Yu. (2008). Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii. [Involving the other. Essays on Political Theory.] Saint Petersburg: The science, p. 417.
21. Efanova E.V. (2011). Youth extremism as a form of political protest. *Vlast*, 8, pp. 30–33 (in Russian).
22. Elishev S.O. (2010). Theoretical and methodological approaches to the study of concepts value, value orientations. *Moscow State University Vestnik*, 3, pp. 74–90 (in Russian).

23. Kir'yakova A.V. (2010). The theory of values – the methodological basis of the axiology of education. *Electronic scientific publication «Axiology and Innovation of Education»*, [online] 1. Available at: <http://www.orenport.ru/axiology/?doc=3> (in Russian)
24. Pavenkov O.V. (2011). Normativistic concepts of values and valuable orientations in the sociological science (E. Djurkgejm, M. Veber and T. Parsons). *Pavenkov Oleg Vladimirovich*, 2(91), pp. 164–171 (in Russian).
25. Makhrova E.I. (2011). Values and value orientations in modern scientific literature. *Bulletin of the Orenburg State University*, 2(21), pp. 215–224 (in Russian).
26. Spiridonova V.A. (2005). Problema tsennostey v sotsiologii: Istoriko-teoreticheskiy aspekt. Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk. [*The problem of values in sociology: Historical and theoretical aspect. Thesis for the degree of candidate of sociological sciences.*] Moscow, p. 150.
27. Merenkov A.V. (2007). Chelovek: vzaimosvyaz' prirodnogo i sotsiokul'turnogo. [*Man: the relationship of natural and socio-cultural.*] Ekaterinburg: Publishing House Ural State Mining University, p. 280.
28. Maksimenko A.A. (2011). Sociological interpretation of value conception. *Sociological studies*, 2, pp. 284–291 (in Russian).
29. Lapin N.G. (1996). Modernization of the basic values of Russians. *Sociological studies*, 5, pp. 3–23 (in Russian).
30. Korzh N.V. (2011). The problem of values and attitudes in sociology. *Questions of modern science and practice. University V.I. Vernadsky*, 3(34), pp. 327–332 (in Russian).
31. Romanova O.O. (2013). The basic approaches to the content of the concept of “value”. *Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*, 4(22), pp. 55–63 (in Russian).
32. Mel'nikova D.O. (2017). Molodezh' i tsennosti: osnovnye priority. [*Youth and values: key priorities.*] Moscow: Internauka, 6(4), pp. 34–37.
33. Rusakova D.M. (2018). Valuable orientations of modern youth. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 1(9). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/06SCSK118.pdf> (in Russian)
34. Chichkin D.I., Shinyaeva O.V. (2017). Formirovanie tsennostey molodyozhi v sotsial'no-politicheskoy sfere. [*Formation of youth values in the socio-political sphere.*] Ulyanovsk, pp. 286–289.
35. Rudenkin D.V., Zotova A.S. (2018). Youth values in the context of the moral and ethical turbulence of the Russian society. *World of Pedagogy and Psychology*, 10(27), pp. 162–170 (in Russian).
36. Mtiulishvili P.I. (2010). Index of social attitudes and indicators of the protest potential of the population. *Monitoring of public opinion*, 6, pp. 55–64 (in Russian).
37. Rudenkin D.V., Rudenkina A.I. (2017). Protestnyy potentsial naseleniya regiona v usloviyakh ukhudsheniya sotsial'no-ehkonomicheskoy obstanovki: sluchay Sverdlovskoy oblasti. [*Protest potential of the population of the region in the conditions of deterioration of the socio-economic situation: the case of the Sverdlovsk region.*] pp. 103–106.